

СЕМЬ ШАГОВ ВО ТЬМУ

СЕМЬ ИСТОРИЙ.
СЕМЬ КОШМАРОВ.
ОДИН БИЛЕТ
ВО ТЬМУ.

КНИГА 1

Анна Рад

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Анна Рад

Семь шагов во тьму. Книга 1

«Автор»

2026

Рад А.

Семь шагов во тьму. Книга 1 / А. Рад — «Автор», 2026

Семь историй. Семь кошмаров. Один билет во тьму. Что, если похищенная вами девушка окажется опаснее своего похитителя? Если легенда о чудовище из глухого посёлка окажется правдой? Если после случайного сбоя вы начнёте видеть, кто на самом деле скрывается под человеческими лицами? А человек в маске, которого не может поймать полиция, живёт совсем рядом? Здесь мёртвые возвращаются, жертвы меняются местами с убийцами, спасение человечества оборачивается началом конца света, а знание того, что ждёт после смерти, может стать опасным преимуществом. Семь мрачных историй на стыке хоррора, триллера и чёрного юмора — о чудовищах, безумии, смерти и людях, которые порой страшнее любого монстра. Если вам близки «Сумеречная зона», «Байки из склепа» и «Калейдоскоп ужасов», эта книга для вас. Прочитать можно за один вечер. Забыть — гораздо сложнее.

© Рад А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕЗЕРВАТИВ В ГРОБУ	5
СМОТРЯЩИЙ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Анна Рад

Семь шагов во тьму. Книга 1

ПРЕЗЕРВАТИВ В ГРОБУ

Я, Андрей Воскресенский, с раннего детства мечтал проектировать небоскрёбы для больших городов. Мне не терпелось стряхнуть с ботинок пыль родного Вязовска и сделать в жизни что-нибудь стоящее.

Всё шло по плану ровно до той недели, когда за семь дней до защиты диплома в МАРХИ моего отца скосил обширный инфаркт.

Ирония судьбы: владелец и распорядитель похоронного дома «Вечный покой», мой отец, сам превратился в клиента собственного заведения и оказался в одном из залов прощания.

Похоронный бизнес был семейным делом Воскресенских на протяжении нескольких поколений. Как только я узнал о смерти отца, сразу понял: мать, Лидия, будет ждать, что я займу его место.

До защиты оставалась неделя, и я знал: уехав из Москвы на похороны, обратно уже не вернусь. Я хорошо учился, гордился своими успехами и перспективами, и потому мысль о том, что диплом мне просто выдадут позже, казалась особенно горькой.

Хотя, если рассуждать здраво, какой прок от диплома архитектора владельцу похоронного дома в Вязовске?

Можно повесить на стену.

Или засунуть куда подальше.

Теперь это уже не имело значения. Вероятно, резюме мне больше никогда не понадобится.

Каждое лето я помогал отцу и успел освоить почти все тонкости похоронного дела. Поэтому занять его место оказалось несложно.

Во всяком случае, технически.

С мертвецами у меня вообще были особые отношения ещё со школы. Мало кому из девушек хотелось встречаться с парнем, который на каникулах помогает готовить покойников к похоронам. Я уже не помню, сколько раз одноклассники отпускали на эту тему шуточки.

Да и фамилия Воскресенский давала им богатую пищу для фантазии.

— Воскресенский, ну что, кого сегодня воскресил?

Эту шутку я впервые услышал лет в восемь.

Смешнее с годами она не стала.

Среди всего этого нашлась только одна девушка, которую моя семейная профессия почти не смущала.

Кира Мартынова.

За исключением одного свидания, на которое я явился, всё ещё пахнув дезинфицирующим раствором, наши отношения были практически идеальными.

Кира заканчивала медицинский университет и собиралась стать хирургом. Мы планировали пожениться после выпуска. Ей уже предложили место в хорошей московской клинике, а меня ждали в крупном архитектурном бюро.

Не было никаких сомнений, что Кира любила меня и хотела стать моей женой.

Но я прекрасно понимал: в Вязовске она никогда не будет счастлива.

Мне пришлось позвонить в архитектурное бюро и сказать, что на работу я не выйду.

Никогда прежде я не чувствовал себя настолько раздавленным.

Моя карьера и, как мне тогда казалось, мой будущий брак закончились в ту секунду, когда остановилось сердце отца.

Теперь я буду до конца своих дней заниматься похоронами и готовить чужих покойников к последнему путешествию.

Мать, братья отца, остальные родственники — все рассчитывали на меня.

Я не мог их подвести.

Откладывать неизбежное не имело смысла.

Я позвонил Кире.

Она ответила почти сразу:

— Андрей! Я как раз хотела тебе звонить. Ты когда возвращаешься в Москву? У меня через две недели первый рабочий день. А ты когда выходишь в своё бюро?

Я рассказал ей всё.

В трубке повисла тишина.

Я понял, что она плачет.

— Я знаю, насколько для тебя важна хирургия, — сказал я. — И никогда не стану мешать тебе заниматься тем, о чём ты мечтала. Мне нужно остаться здесь. Мама и родственники отца без меня не справятся.

— Андрей...

— Не надо.

— Мне не обязательно оставаться в Москве.

— Обязательно.

— Я люблю тебя.

Я закрыл глаза.

— Именно поэтому я не хочу, чтобы ты похоронила себя здесь вместе со мной.

Она замолчала.

— Я найду работу в Твери. Или где-нибудь рядом.

— И через год возненавидишь Вязовск. Через два — меня. Кира, моя жизнь здесь уже решена. А твоя только начинается. Не губи её из-за меня.

— Ты даже не даёшь мне самой решить.

Я почувствовал, как по щеке скатилась слеза.

— Прости.

И отключился.

Продолжать этот разговор я не мог.

Кира звонила ещё несколько раз.

Я не отвечал.

После похорон отца я без всякой паузы присоединился к его братьям — Виктору и Борису — и нашему родственнику Николаю Степановичу.

Работы хватало.

Накануне вечером привезли два тела: мужчина умер от инфаркта, пожилая женщина — после долгой болезни.

Родственники без возражений признали меня новым главой похоронного дома. При отце они всегда оставались на вторых ролях и понимали, что теперь семейное дело переходит ко мне.

Больше меня беспокоило другое: как жители города воспримут двадцатитрёхлетнего парня, которому теперь предстоит заниматься похоронами их родителей, супругов и детей.

Время показало, что я переживал напрасно.

Прошло несколько месяцев.

Всё шло спокойно.

Возникали обычные проблемы: документы, место на кладбище, церемония прощания, внешний вид покойного, выбор гроба, венков, транспорта.

Ничего такого, с чем я раньше не сталкивался вместе с отцом.

А потом Ирина Журавлёва, вдова одного из наших клиентов, обнаружила в гробу мужа презерватив.

Запечатанный.

Он был засунут под бархатную обивку.

Через минуту Ирина ворвалась в мой кабинет, пунцовая от ярости, и швырнула упаковку мне на стол.

— Какого чёрта это делает в гробу моего мужа?

Я посмотрел сначала на неё, потом на презерватив.

— Понятия не имею.

— Это ваш похоронный дом!

— Ирина Павловна, уверяю вас, никто из моих сотрудников не имеет привычки раскладывать презервативы по гробам.

Она уставилась на меня.

Я продолжил:

— Гроб два дня находился в открытом зале прощания. Туда заходили десятки людей. Сделать это мог кто угодно.

Она немного успокоилась.

— Камеры у вас есть?

— Простите?

— Видеонаблюдение. Может, этот урод попал на запись?

Я помедлил.

— В самих залах камер нет.

Это была ложь.

— Мне очень жаль, что так произошло. Но боюсь, здесь я ничем не смогу помочь.

Она забрала презерватив и ушла, хлопнув дверью.

Я подождал несколько секунд.

Потом сразу направился в комнату наблюдения.

Камеры в залах были.

Отец установил их несколько лет назад после кражи золотой цепочки с покойника.

Я открыл архив с момента, когда тело Журавлёва привезли в зал.

Промотал несколько часов.

Посетители.

Родственники.

Сотрудники.

Уборщица.

Ночь.

В 02:20 изображение внезапно перескочило.

Я остановил запись.

Перемотал назад.

Попробовал снова.

Ничего.

Сорок пять минут отсутствовали.

Кто-то удалил этот участок.

Я несколько минут неподвижно смотрел на монитор.

Теперь всё выглядело совсем иначе.

Презерватив в гроб положил не случайный посетитель.

Посторонний человек не знал бы о камерах.

И уж точно не смог бы удалить запись.

Это сделал кто-то из сотрудников.

Я взял лист бумаги и написал:

Виктор Воскресенский — брат отца.

Борис Воскресенский — брат отца.

Николай Родин — родственник отца.

Павел Ветров — помощник.

Евгений Снегирёв — помощник.

Лидия Воскресенская — моя мать.

Шесть человек.

Кто-то из них знал пароль.

Кто-то вошёл ночью в зал.

Кто-то удалил сорок пять минут записи.

И зачем-то оставил презерватив в гробу.

Первым я заподозрил Виктора.

Он никогда не был женат, всегда держался особняком, а отец однажды упоминал, что несколько раз заставлял его в похоронном доме глубокой ночью без всякой видимой причины.

В тот вечер я осмотрел все тела.

Четыре находились в залах прощания.

Ещё два — в подготовительной.

На теле мужчины, которым днём занимался Виктор, я заметил странное раздражение в уголках рта.

Возможно, ничего необычного.

Возможно, я уже начал видеть то, чего не было.

Но внутри поселилось липкое предчувствие.

Этой ночью что-то должно было произойти.

Я уехал около половины десятого.

Доехал почти до выезда из города.

Развернулся.

Машину оставил в нескольких кварталах от похоронного дома и вернулся пешком.

Через служебный вход пробрался внутрь.

Ночью «Вечный покой» становился совсем другим местом.

Днём здесь разговаривали родственники, звучала музыка, хлопали двери.

Теперь стояла почти абсолютная тишина.

Только гудели холодильные установки.

Пахло дезинфекцией и цветами.

Я сел в кресло в одном из залов и выключил свет.

Первые два часа держался.

Потом задремал.

В три часа утра меня разбудили шаги.

Я мгновенно поднялся.

Шаги приближались.

Я вышел в коридор и щёлкнул выключателем.

Под потолком вспыхнули лампы.

Передо мной стояла мать.

— Андрей?

Она явно не ожидала меня увидеть.

— Что ты здесь делаешь?

— Я хотела спросить тебя о том же.
Мать поправила сумочку.
— Забыла бумаги для утренних похорон. Не хотелось утром приезжать раньше времени.
Я здесь всё знаю наизусть, поэтому свет не включала.
— В три часа ночи?
— Не спалось.
Я рассказал ей про презерватив.
Про удалённую запись.
Про свои подозрения.
Она долго молчала.
— Ты действительно думаешь, что кто-то из наших может надругаться над покойником?
— А зачем ещё кому-то понадобился презерватив?
Мать пожала плечами.
— Люди чего только не кладут в гробы. Сигареты, фотографии, бутылки, телефоны...
— Только жена Журавлёва явно не знала о последней воле мужа.
— Тогда не знаю.
— Запись кто-то удалил, мам.
Она посмотрела на меня.
— Андрей, эти люди десятилетиями работали с твоим отцом. Если бы происходило что-то подобное, он бы обязательно узнал.
— Ты уверена?
— Абсолютно.
На этом разговор закончился.
Мы разъехались ещё до рассвета.
В ту ночь я так и не уснул.
На следующий день я вызвал специалиста по видеонаблюдению.
Под видом модернизации системы попросил установить дополнительные скрытые камеры.
Доступ к ним был только у меня.
Каждое утро я просматривал записи.
Неделя.
Месяц.
Два.
Три.
Ничего.
Я уже начал думать, что всё закончилось.
А потом увидел Евгения.
Около часа ночи он вошёл в подготовительную, где находилось тело молодой девушки.
Откинул простыню.
То, что произошло дальше, не оставляло сомнений в его намерениях.
Утром я вызвал Женю в кабинет.
Он вошёл как обычно.
— Закрой дверь.
Он закрыл.
Я развернул монитор.
Его лицо изменилось.
— Андрей Владимирович...
— Можешь ничего не объяснять.
— Я...

— Ты уволен.

Он несколько секунд молчал.

— Простите.

— Собирай вещи.

Женя поднялся.

У двери остановился.

— Я не могу оправдать то, что сделал. Это была мерзость.

Я ничего не сказал.

Он взялся за ручку.

— Но вы должны знать одну вещь.

Я посмотрел на него.

— Я здесь не единственный, кто иногда... развлекается с мертвецами.

— Что?

Женя открыл дверь.

— Спросите родственников.

— Стой.

Но он уже вышел.

До этой фразы я почти убедил себя, что загадка презерватива решена.

Теперь слова Жени застряли в голове занозой.

Перед Новым годом я случайно узнал от общего знакомого, что Кира приехала к родителям на праздники.

Мне отчаянно захотелось увидеть её.

Узнать, как она живёт.

Как работа.

И главное — появился ли у неё кто-нибудь.

Я взял телефон.

Нашёл её номер.

Долго смотрел на экран.

Потом положил телефон обратно.

Какой смысл?

Я сам заставил её уйти.

Звонок только разбередил бы старые раны.

Через несколько дней телефон разбудил меня посреди ночи.

Звонил знакомый сотрудник полиции.

— Андрей?

— Да.

— На трассе серьёзная авария. Несколько пострадавших. Один человек погиб на месте.

Я не понимал, почему он звонит лично мне, а не на дежурный номер похоронного дома.

Он замолчал.

И я всё понял раньше, чем услышал имя.

— Андрей... погибла Кира Мартынова.

У меня перехватило дыхание.

— Что?

— Мне очень жаль.

Я сел на кровати.

— Нет.

— Андрей...

— Ты уверен?

Глупый вопрос.

Конечно, он был уверен.
— Её родители уже знают. Тело скоро передадут.
Перед глазами возникло лицо Киры.
Живое.
Смеющееся.
— Андрей, ты меня слышишь?
— Да.
Я отключился.
Оделся и поехал в похоронный дом.
Когда я приехал, машина уже отъезжала.
Вошёл через служебную дверь.
Мешок с телом лежал на металлическом столе.
Борис посмотрел на меня.
— Андрюша, мне очень жаль.
Я молчал.
— Давай мы с Виктором всё сделаем сами.
Я кивнул.
Но потом посмотрел на чёрный мешок.
В голову полезла совершенно идиотская мысль.
А вдруг ошибка?
Вдруг это не она?
Я подошёл к столу.
— Андрей, не надо, — сказал Борис.
Я расстегнул молнию.
И совершил одну из самых страшных ошибок в своей жизни.
За годы работы я видел сотни мёртвых.
После аварий.
Падений.
Пожаров.
Но к тому, что осталось от лица Киры, я оказался не готов.
Одна сторона была страшно изуродована ударом. Там, где я помнил её улыбку и гладкую кожу, теперь были кровь, повреждённая ткань и обнажившиеся зубы. Часть волос была вырвана вместе с кожей.
Я смотрел несколько секунд.
Потом мир качнулся.
Ноги перестали держать.
Я рухнул на пол.
Очнулся через несколько часов в комнате отдыха.
Киру уже подготовили к прощанию.
Гроб закрыли.
Я испытывал стыд за свой обморок.
И одновременно облегчение от того, что мне не пришлось самому заниматься её телом.
В тот же день пришло сообщение от Жени.
Он долго думал после увольнения и решил всё-таки рассказать правду.
Он утверждал, что неоднократно заставлял Бориса за недопустимыми действиями с телами умерших женщин. По словам Жени, Борис относился к этому почти как к шутке.
Женя также признался, что сам не раз переходил границу допустимого.
Но главное было в конце:

«Поверьте, Андрей Владимирович, это происходит не только у вас. Просто люди предпочитают не знать, что случается с покойниками, когда рядом никого нет».

Я перечитал сообщение.

Потом открыл архив скрытых камер.

Десять записей не показали ничего необычного.

На одиннадцатой появился Борис.

На столе лежала двадцатидвухлетняя девушка, утонувшая несколькими днями раньше.

Я помнил её.

Красивая брюнетка.

Борис запер дверь.

Подошёл к телу.

Откинул простыню.

Через несколько секунд стало ясно, что Женя не солгал.

Я должен был выключить запись.

Но продолжал смотреть.

Меня тошнило от Бориса.

От происходящего.

От самого себя за то, что я всё ещё сидел перед экраном.

А потом я заметил ещё кое-что.

Собственную физиологическую реакцию.

Я замер.

Нет.

Этого просто не могло быть.

Я отодвинулся от монитора.

Но ничего не изменилось.

Меня затошнило ещё сильнее.

Борис проработал рядом с отцом двадцать лет.

Сколько раз он делал это раньше?

Десять?

Пятьдесят?

Сто?

И почему отец ничего не замечал?

Или замечал?

Может быть, отец знал?

Я заставил себя отогнать эту мысль.

Она была слишком мерзкой.

Но впереди оставалась ещё одна запись.

И она оказалась хуже всего, что я видел до этого.

На металлическом столе лежал мужчина средних лет.

Его подготовили вечером и должны были перенести в гроб утром.

Около половины четвёртого дверь открылась.

В помещение вошла мать.

На ней было длинное пальто.

То самое, в котором я встретил её ночью.

Она заперла дверь.

Поставила на стол чёрную сумку.

Сняла пальто.

Я перестал дышать.

Теперь я понял, зачем она приезжала сюда в три часа утра.
И понял, что никаких забытых документов тогда не существовало.
Мать достала из сумки медицинское приспособление и начала готовить тело.
Я ещё надеялся, что неправильно понял её намерения.
Через несколько минут надеяться было уже не на что.
Происходящее на экране не оставляло сомнений: моя мать использовала тело умершего мужчины для секса.
Я выключил звук.
Но изображение почему-то оставил.
Наверное, человек иногда продолжает смотреть именно потому, что больше всего хочет отвернуться.
Она действовала спокойно.
Уверенно.
Без колебаний.
И именно эта уверенность была страшнее любых подробностей.
Это происходило не впервые.
Я смотрел на женщину, которая растила меня, читала мне сказки, готовила завтраки, сидела возле моей кровати, когда я болел.
И не узнавал её.
Я собирался передать запись с Борисом полиции.
Но теперь там была мать.
Моя собственная мать.
Я закрыл видео.
Встал.
Прошёлся по кабинету.
И только тогда обнаружил самое страшное.
Моё тело снова отреагировало.
Даже после увиденного.
Даже после того, как на экране была моя мать.
Я смотрел на себя с таким отвращением, словно обнаружил внутри собственного тела паразита.
Но реакция не исчезала.
Я сел обратно.
На мониторе было несколько окон с камер.
Пустой коридор.
Подготовительная.
Холодильная камера.
Зал прощания.
И тогда я вспомнил о Кире.
О любви всей моей жизни.
Она лежала совсем рядом.
Одна.
В закрытом гробу.
Я посмотрел на часы.
До утра оставалось несколько часов.
В похоронном доме никого не было.
Кроме меня.
И мёртвых.
Я должен был позвонить в полицию.

Должен был сохранить записи.
Передать их следователям.
Я действительно собирался это сделать.
Но вместо телефона моя рука легла на компьютерную мышь.
На экране находилась кнопка управления системой наблюдения.
Я посмотрел на изображение из зала, где лежала Кира.
Вспомнил её живой.
Москву.
Наши планы.
Её последний разговор со мной.
«Я люблю тебя».
Когда-то я отказался от неё, потому что не хотел разрушать ей жизнь.
Теперь разрушать было уже нечего.
Я почувствовал, как во мне снова поднимается та самая тягучая, липкая тяга.
И впервые не попытался её подавить.
Курсор остановился над кнопкой.
Я выключил камеры.

СМОТРЯЩИЙ

Борис Буров был невысоким, плотным деревенщиной с крупной родинкой на самом кончике носа. В любое время года он носил клетчатые рубашки и комбинезон на лямках, и сейчас, припарковавшись на пустынном краю торгового центра, он как раз разглядывал длинноногую красотку на шпильках. Она шла к старой Kia 2010 года, и это несоответствие резануло его по —своему: такое платье, такой каблук — и такая развалюха.

Он смотрел, как она переступает через выбоины в асфальте, и не понимал, как у неё ещё лодыжки целы. Игольное ушко, не иначе. Единственное, что приходило в голову: сучка просто не хотела, чтобы кто—то видел, на чём она ездит.

Он завёл двигатель и покатил следом, держась прямо по курсу, чтобы она ничего не заметила, пока не станет слишком поздно.

С каждым метром взгляд сам собой сползал ниже — на её задницу. Настоящая задница Дженнифер Лопес. Господи, что за вид.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.